

*Шарль-Мишель Жофруа
Жан Антельм Брийя-Саварен. Литография. 1848*

Предисловие Альфонса Карра

Люди остерегаются морали: слишком много места отводится ей в книгах и проповедях; мораль возносит добродетель на такую недосыгаемую высоту, что многие, не сумев туда подняться, легко утешаются, говоря о ней то же самое, что древний философ сказал о пороке: *Non licet omnibus adire Corinthum**. И потому большинство удовлетворяется не более чем имитацией этой недоступной добродетели, а излишне суровая мораль чаще всего порождает лицемеров.

Если бы какой-нибудь человек вздумал продавать шлемы, доспехи и мечи размерами под стать героям Гомера, то его шлемы пришлось бы в пору разве что тыкве, латы напоминали бы собою небольшие комнаты, в которых вряд ли можно было бы дотянуться до потолка, а мечи было бы невозможно поднять. И он наверняка продал бы очень мало такого оружия, будь оно сработано хоть самим Вулканом по эскизам самой Минервы.

Булочник продаст вам хлеб за несколько медяков, имеющих хождение, но откажет, если вы посулите ему золотые

* «Не всем удастся попасть в Коринф» (Гораций. Послания. Кн. I, 17, стих 36). Это перевод на латынь древнегреческой поговорки, которую прилагали к людям, чьи планы превосходили их возможности либо же чьи таланты или богатство не соответствовало их претензиям. — *Здесь и далее под звездочкой примеч. перев.*

медали с изображением императора Тита. Так что стоит поручать людям только ту работу, которая им по силам, и так же обстоит дело с настоящей моралью: она должна принимать в расчет наши увлечения и слабости — ей надлежит подрезать их, как древесные ветви, направлять в нужную сторону, но искоренить их возможно, лишь уничтожив само дерево.

Раз уж существуют ручьи, не стоит засыпать сточные канавы.

Мне, разумеется, известно, что к собственным страстям мы относимся снисходительно, но не распространяем это снисхождение на чужие; я всегда отзывался о гурманстве пренебрежительно, пока не прочел «Физиологию вкуса» Брийя-Саварена; раньше я видел в гурманстве лишь самое грубое, самое эгоистичное, самое глупое из пристрастий; чтение Брийя-Саварена заставило меня устыдиться, что я не гурман.

В самом деле, когда обнаруживаешь у завязтого гурмана столько остроумия и проницательности, столько философичности и веселости, то начинаешь сожалеть, что не наделен от природы необходимыми способностями, чтобы прочувствовать и оценить гастрономические удовольствия, сознаешь в себе некое увечье, отсутствие довольно важного чувства, оказываешься в одном ряду если не с глухими и слепыми, то по меньшей мере с глуховатыми и подслеповатыми и начинаешь смотреть на свое бывшее бахвальство, что ты, мол, не гурман, как на глупое тщеславие человека в золотых очках, который надменно меряет взглядом тех, кто очков не носит.

Разве у каждого из нас нет своих любимых блюд? Разве я не гурман в том, что касается красок и запахов? Разве не пьянит меня аромат жимолости, не восторгает зрелище великолепного заката и разве музыка не лишает меня всей холодности моего рассудка? Разве из-за этих упоительных впечатлений мне — подобно тем пьяницам, что находят улицы слишком узкими, — не случается порой находить слишком узкими и жизненные пути, тропинки возможного, дороги реальности?

Я прекрасно знаю, что страсть к гурманству порой перехлестывала через край, — но какая страсть избавлена от изли-

шеств? Конечно, император, который откармливал мурен в своих рыбных садках изрубленной на куски плотью рабов, всегда будет считаться преступившим допустимые пределы застольных удовольствий, но это никоим образом не относится к былым римским гурманам — знатокам, которые по вкусу отличали рыбу, выловленную в устье Тибра, от той, что была поймана между двумя мостами, и первую не ели. Те, что отвергали печень гуся, откормленного сушеными фигами, и признавали ее, только если фиги для откорма были свежими, не несли в себе ничего опасного либо отталкивающего; их изощренный вкус похож на ухо Абенека*, который, дирижируя оркестром из двухсот инструментов, делает замечание контрабасисту, прижавшему струну указательным пальцем, а не большим.

Отнюдь не желая искать в том, что доставляет удовольствие другим людям, более или менее справедливые аналогии, я задаюсь вопросом, разве не живы в нас воспоминания обо всех наших гастрономических радостях? Могу ли я хладнокровно вспоминать бараньи ножки в собственном соку с чесноком и фасолью, коими на протяжении многих лет я лакомился раз в неделю в компании с воображаемым другом, которого сам себе придумал? Могу ли я без волнения вспоминать превосходные обеды, состоявшие из одной лишь сырой репы, которую я съедал прямо в поле, а потом вечером платил цену гораздо более роскошного обеда за билет, позволявший мне войти в театр, где я издали встречался взглядом с той, что так долго составляла мою силу и самую мою жизнь?

И кто придаст ананасам, поданным на тарелках китайского фарфора, вкус ежевичных ягод, сорванных с живых изгородей в ту пору, когда мне было восемнадцать лет?

Разве наших бедных рыбаков с нормандского побережья не радует заранее возможность полакомиться омаром или креветками, сваренными в морской воде, если им удастся

* *Абенек Франсуа-Антуан* (1781–1849) — французский скрипач, дирижер и композитор.

ускользнуть от таможенного досмотра, ведь фискальное ведомство запрещает им брать воду из моря, так что океан стережет целая армия людей в зеленом и они заставят вылить обратно в море даже кувшин воды, зачерпнутый в обход закона, но которая избавила бы бедняков от необходимости покупать соль, а стало быть, и платить за нее налог.

Очарование книги состоит в том, что веришь, будто, читая ее, по-настоящему беседуешь с человеком. Книга Брийя-Саварена соединяет в себе необычайную искренность, дивную непринужденность, неослабевающее вдохновение, утонченность и изящество речи. Это образец простого и лишенного малейшей вульгарности стиля.

Гурманство отнюдь не обжорство.

Брийя-Саварен приправляет славный обед остроумием, добродушием и хорошим вкусом.

Остроумие, которое является (или, скорее, должно являться) не чем иным, как «отточенным и разящим без промаха здравым смыслом», мало ценится во Франции, ведь у нас за остроумие принимают некие словесные упражнения, напоминающие те, что проделывают с шарами жонглеры.

Точно так же обжоры и пьяницы незаконно объявляют себя последователями Анакреонта, Эпикура и, не спросившись у них, отдаются под их покровительство. А между тем Анакреонт в своих стихах советовал почаще развлекать вино водой, а Эпикур, желавший добавить в наслаждение благородства, делал его составной частью добродетели.

Подлинный последователь Эпикура считает наилучшим блюдом своего обеда хлеб, посланный бедному соседу. А другой, приглашая вас к обеду, скажет вам вместе с немцами: «Будет одно блюдо и дружеское лицо в придачу».

Брийя-Саварен сказал: «Те, кто объедается или напивается, не умеют ни пить, ни есть».

Я не знаю, что он сказал бы о политических банкетах, которые в его время только-только стали входить в моду, — об этих пиршествах, где каждый угощается одним блюдом на свой собственный лад при помощи пустых, а потому звонких

фраз и где за управление страной берутся лишь в конце трапезы, то есть в таком состоянии тела и ума, в каком ни один из этих подвыпивших законодателей не позволил бы себе решать даже самое пустячное из своих частных дел.

Конечно, посеять среди людей свою живую мысль — значит не умереть. После смерти того, кто ее высказал, она только набирает силу и уже не оспаривается, ибо перестает возбуждать к нему ревность.

Пока богатые и могущественные заняты тем, что оспаривают друг у друга материальные почести и очевидные преимущества, не становятся ли подлинными владыками мира только те, кто посредством своих книг управляет бытующими у народов идеями и самой человеческой мыслью?

В сонме этих прославленных мертвецов, ставших бессмертными властителями дум, память выделяет присущие им отличия, в частности силу их мысли — вот она-то и определяет степень нашего почитания; однако есть и такие, о чьей жизни хочется знать, о ком усердно ищут и жадно собирают мельчайшие подробности. Что касается остальных, то мы удовлетворяемся чтением их сочинений и восхищаемся ими, тогда как первые становятся нашими друзьями. В качестве типичных примеров обеих этих разновидностей можно привести Вольтера и Ж.-Ж. Руссо. Почитатели любят те же цветы, которые любил Руссо, и воспоминания о нем придают особый колорит пейзажам тех мест, где он обитал. Вольтер же весь целиком умещается в своих книгах, и ни в каком ином месте его не ищут.

Г-н Брийя-Саварен был наделен обаятельным умом — но не думаю, что кто-то в самом деле захочет узнать, каков был цвет его волос. И вряд ли кто-нибудь задастся вопросом, был ли он влюбчив. Так будем же и мы сдержанны в отношении биографических подробностей. Антельм Брийя-Саварен родился в городе Белле, у подножия Альп, 1 апреля 1755 года, где и подвизался в качестве адвоката, когда в 1789 году его выбрали депутатом Учредительного собрания.

В 1793 году, будучи мэром Белле, он оказался вынужден бежать в Швейцарию, спасаясь от революционного вихря.

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЬФОНСА КАРРА

Став изгнанником, он четыре года провел на чужбине, сначала в Швейцарии, потом в Соединенных Штатах, где преподавал французский язык и был музыкантом в театральном оркестре Нью-Йорка; но если материальную сторону жизни ему удалось обеспечить благодаря собственным талантам, то безмятежностью и счастьем он был всецело обязан своему добродушию и незлобивой философии.

Вернувшись во Францию в сентябре 1796 года, он выполнял различные обязанности — до тех пор, пока павший на него выбор сената не призвал его в кассационный суд, где он провел двадцать пять последних лет своей до самого конца тихой и спокойной жизни, пользуясь всеобщим уважением.

Он простудился, когда в составе депутации представлял кассационный суд на траурной церемонии 21 января в церкви Сен-Дени; простуда переросла в плевропневмонию, которая и унесла его в одно время с Робером де Сен-Венсаном и главным адвокатом Маршаньи. Умер он 2 февраля 1826 года, когда ему был 71 год.

Альфонс Карр

АФОРИЗМЫ ПРОФЕССОРА*,
СЛУЖАЩИЕ ПРЕДИСЛОВИЕМ
К ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЮ
И НЕЗЫБЛЕНЫМ ОСНОВАНИЕМ НАУКИ

I

Вселенная без жизни — ничто, а все, что живет, — питается.

II

Животные кормятся; человек ест; но только умный человек умеет есть.

III

Судьба народов зависит от того, как они питаются.

IV

Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, что ты такое.

V

Создатель, обязав человека есть ради сохранения жизни, приглашает его к трапезе посредством аппетита и вознаграждает удовольствием.

* То есть самого Брийя-Саварена. Первое издание «Физиологии вкуса» вышло уже после его смерти, анонимно, а на обложке вместо имени автора значилось, что этот труд посвятил парижским гастрономам некий «профессор, член нескольких литературных и ученых обществ». И далее в тексте он неоднократно именуется либо «профессором гастрономии», «профессором-гастрономом», либо просто «профессором». Чтобы не путать его с прочими профессорами, которые тоже встречаются на страницах этой книги, мы удостоим его заглавной буквы: Профессор.

VI

Гурманство — приведение в действие нашей оценки, с ее помощью мы выбираем то, что приятно на вкус, и отвергаем то, что лишено этого достоинства.

VII

Удовольствие от еды доступно человеку любого возраста и любого общественного положения, в какой бы стране и в какую бы эпоху он ни жил; оно может стоять в ряду со всеми прочими удовольствиями и останется последним из того, что способно утешить нас в случае их утраты.

VIII

Стол — единственное место, где никогда не скучаешь в течение первого часа.

IX

Изобретение нового блюда приносит роду человеческому больше счастья, чем обнаружение новой звезды.

X

Те, кто обедается и упивается, не умеют ни есть, ни пить.

XI

Порядок подачи блюд — от сытных к легким.

XII

Порядок подачи напитков — от умеренных к крепким и ароматным.

XIII

Утверждение, что за трапезой не следует менять вино, — ересь; вкус притупляется, и после третьего бокала ощущение будет бледным даже от наилучшего вина.

XIV

Десерт без сыра — все равно что одноглазая красotka.

XV

Поварами становятся, но тем, кто мастерски готовит жаркое, надобно родиться.

XVI

Самое необходимое качество повара — пунктуальность; она же требуется и от гостя.

XVII

Слишком долго ждать опаздывающего гостя — значит проявлять неуважение к присутствующим.

XVIII

Тот, кто, принимая друзей, лично не заботится о трапезе, которую для них готовят, недостойн их иметь.

«Удовольствие от еды доступно человеку любого возраста и любого общественного положения...».

Открытка из серии «Афоризмы Брийя-Саварена». 1900-е

XIX

Хозяйка дома всегда должна лично удостовериться, что кофе превосходен; а хозяин — что спиртные напитки самого высокого качества.

XX

Пригласить кого-либо — значит взять на себя заботу о его благополучии на все то время, пока он находится под вашим кровом.

ДИАЛОГ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЕГО ДРУГОМ (ПОСЛЕ ОБМЕНА ПЕРВЫМИ КОМПЛИМЕНТАМИ)

Друг: Этим утром, за завтраком, мы с женой, здраво рассудив, решили, что вам надо как можно скорее опубликовать ваши «Гастрономические размышления».

Автор: Чего хочет женщина, того хочет Бог. Всего несколько слов, но для Парижа это непреложный закон. Однако я тут нездешний, да к тому же холостяк...

Друг: Господи! На холостяков он распространяется совершенно так же, как и на всех остальных, и порой к нашему большому несчастью. Но здесь безбрачие не сможет вас спасти: моя жена утверждает, будто имеет право вами командовать якобы потому, что именно у нее в деревне вы написали первые страницы своего труда.

Автор: Ты ведь знаешь, дорогой доктор, как я почителен с дамами; ты и сам не раз хвалил меня за то, что я покорно следую всему, что они велят, ты также был одним из тех, кто утверждал, будто из меня вышел бы превосходный муж... И тем не менее я не отдам свою рукопись в печать.

Друг: Да почему же?

Автор: Да потому, что я в силу своего положения вынужден заниматься серьезными делами и опасаясь, как бы те, кто ознакомится с моей книгой лишь по названию, не сочли, что это вздор, а я просто валяю дурака.

Друг: К чему этот панический страх! Неужели тридцати шести лет непрерывных трудов на благо общества недостаточно, чтобы составить о вас совершенно противоположное мнение? Впрочем, мы с женой уверены, что все захотят ее прочитать.

Автор: В самом деле?

Друг: Вас прочитают ученые, чтобы наконец изучить и понять то, что вы обозначили лишь в общих чертах.

Автор: Хорошо бы.

Друг: Вас прочтут женщины, потому что они-то наверняка увидят, что...

Автор: Дорогой друг, я уже стар и пришел к мудрости: «Miserere mei»*.

Друг: Вас прочитают гурманы, потому что вы воздадите им по справедливости и укажете наконец то место, которое они достойны занимать в нашем обществе.

Автор: Вот в этом ты прав: просто уму непостижимо, как долго они не были признаны, мои дорогие гурманы! Я испытываю к ним поистине отцовские чувства; они ведь такие миляги! у них так блестят глаза!

Друг: И потом, разве вы сами не говорили, причем довольно часто, что нашим библиотекам недостает вашего произведения?

Автор: Я действительно так говорил, и пусть меня лучше удавят, чем я отрекусь от своих слов.

Друг: Но вы же говорите как человек совершенно убежденный! Значит, вы пойдете вместе со мной к...

Автор: О нет! Хотя в ремесле писателя есть свои прелести, в нем есть и неприятные стороны, так что я оставляю все это моим наследникам.

Друг: Но вы же обездолите своих друзей, знакомых, своих современников! И у вас хватит на это мужества?

Автор: Мои наследники! мои наследники! Я слышал, что живущие беспрестанно льстят теням усопших, осыпая их восхвалениями; именно эту разновидность блаженства я и хочу обеспечить себе на том свете.

Друг: Но уверены ли вы, что похвалы дойдут по вашему адресу? И вообще, уверены ли вы в своих наследниках?

Автор: Но у меня нет никаких оснований полагать, что они могут пренебречь долгом, ради которого я избавлю их от многого другого.

* Начало католической молитвы: «Помилуй меня, [Боже, по великой милости Твоей]».

Друг: Однако проявят ли они, смогут ли проявить к вашему детищу ту отцовскую любовь, то внимание, без которых оно неизбежно предстанет перед публикой в несколько неряшливом виде?

Автор: Моя рукопись будет выправлена, переписана на бело и предстанет во всеоружии. Останется только ее напечатать.

Друг: Ну а вдруг случится что-нибудь? Увы! Подобные досадные обстоятельства погубили немало драгоценных произведений, и среди прочих книгу знаменитого Лека* о состоянии души во время сна — труд всей его жизни.

Автор: Разумеется, это было бы большой потерей, и я весьма далек от того, чтобы лезть на рожон, питая подобные сожаления.

Друг: Поверьте, у наследников найдется достаточно дел, которые надо уладить с Церковью, с правосудием, с медицинским факультетом и с самими собой, так что им наверняка не останется если не воли, то по меньшей мере времени, чтобы посвятить себя заботам, которые предшествуют публикации книги, сопровождают ее и следуют за ней, сколь бы малой по объему она ни была.

Автор: А название! Сюжет! А злые шутники!

Друг: Уже одно только слово «гастрономия» заставляет навострить уши; этот сюжет нынче в моде, а злые шутники — такие же гурманы, как и все прочие. Так что это должно вас успокоить. Впрочем, вы, может, не знаете, но «легковесные» произведения порой писали и важные особы. Председатель де Монтескье**, например¹.

Автор (*с живостью*): А ведь верно! Он сочинил «Книдский храм», и можно, пожалуй, согласиться, что гораздо больше проку в том, чтобы размышлять над потребностью,

* *Лека Клод-Николя* (1700–1768) — блестящий французский хирург и терапевт; оставил после себя также десяток научных работ.

** *Монтескье Шарль Луи де Сгонда* (1689–1755) — французский просветитель, правовед, философ и писатель, член Французской академии. Пастораль «Книдский храм» (поэма в прозе, 1725) написана им в духе гедонистического эпикуреизма.

которая к тому же является повседневным занятием и удовольствием, нежели сообщать нам, что делали или говорили более двух тысяч лет назад в рощах Греции двое сопляков: он — преследуя свою подружку, она — не имея ни малейшего желания убежать.

Друг: Так вы сдаетесь, наконец?

Автор: Я? Ну уж нет! Едва показался кончик авторского уха, как это напомнило мне сцену из одной английской высокой комедии, которая меня изрядно позабавила; называлась она вроде бы «The natural Daughter»*. Суди сам².

Речь там идет о квакерах, а те, кто состоит в этой секте, как тебе известно, ко всем обращаются на «ты», одеваются просто, не участвуют в войнах, никогда не клянутся, всегда действуют бесстрастно, но главное — ни при каких обстоятельствах не должны впадать во гнев.

Итак, герой этой пьесы — молодой красивый квакер, он появляется на сцене в темном платье, с прилизанными волосами и в большой, надвинутой на глаза шляпе, что не мешает ему быть влюбленным.

Некий самодовольный хлыщ, который оказывается его соперником, расхрабрившись из-за наружности квакера и намерений, которые он у него подозревает, высмеивает его и оскорбляет, так что молодой человек, понемногу распаяясь, наконец приходит в ярость и твердой рукой задает взбучку наглецу, который его спровоцировал.

Покарав обидчика, он вдруг возвращается к своей прежней повадке и сокрушенно вздыхает: «Увы! Боюсь, что плоть возоблала над духом».

Я поступаю таким же образом и после вполне извинительного порыва возвращаюсь к своему первоначальному мнению.

Друг: Нет, дольше это уже терпеть невозможно! Вы, по вашему собственному признанию, высунули наружу кончик уха — вот за него-то я и ухвачусь, чтобы отвести вас к издателю. И даже скажу вам, что издатель отнюдь не единственный, кто проведал ваш секрет.

* «Внебрачная дочь» (англ.).

Автор: Даже не пытайся, ведь я упомяну о тебе, и кто знает, что я скажу!

Друг: Что вы можете обо мне сказать? Вам нечем запугать меня.

Автор: Я не стану говорить, что наша общая родина³ прославилась, породив тебя; что в двадцать четыре года ты уже явил миру свое первое произведение, которое с тех пор стало классикой; что твоя заслуженная репутация вызывает к тебе доверие; что твоя наружность успокаивает больных, умелость поражает, а твоя чувствительность их утешает, — все это и без того всем известно. Но я открою всему Парижу (*говорю*

Иллюстрация к «Физиологии вкуса»
из парижского издания 1847 года

ДИАЛОГ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЕГО ДРУГОМ

я, вставая), всей Франции (*вытягивая грудь*), всему свету единственный недостаток, который знаю за тобой.

Друг (*посерьезнев*): И какой же, с вашего позволения?

Автор: Обычный недостаток, от которого все мои увещевания так и не смогли тебя избавить.

Друг (*испуганно*): Да скажите же, наконец, это слишком жестоко — так меня мучить.

Автор: Ты ешь слишком быстро⁴.

(*Тут мой друг берет шляпу и уходит с улыбкой, догадавшись, что проповедовал перед уже обращенным.*)

БИОГРАФИИ

Доктор, которого я ввел в предыдущий диалог, вовсе не является фантастическим существом наподобие былых Хлорид*, он вполне настоящий, и все, кто близко со мною знаком, наверняка сразу же узнали доктора Ришерана.

Занимаясь им, я добрался и до тех, кто ему предшествовал, с гордостью отмечая, что округ Белле на моей родине, в департаменте Эн, оказался в состоянии дать столице мира целый выводок замечательных врачей, так что я не устоял перед искушением воздвигнуть им скромный памятник в этой краткой заметке.

В дни регентства доктора Женен и Сивок были первоклассными практикующими врачами и вернулись на родину с достойно приобретенным состоянием. Первый был совершенным последователем Гиппократа и строго следовал его заветам; второй, лечивший многих красивых дам, был более мягок и покладист: «*Res novas molientem*»**, как сказал бы Тацит.

В 1750 году на опасном поприще военной медицины отличился доктор Лашапель. Нам осталось от него несколько хороших трудов, вдобавок мы обязаны ему тем, что он первым применил для лечения пневмонии свежее сливочное масло — метод, который излечивает болезнь как по волшебству.

* *Хлорида* (или Хлорис) — имя нимфы, превратившейся в богиню Флору (Овидий, «Фасты»).

** «Желал вызвать волнения», «замышлял заговор» и т. п. (*лат.*). Эта расхожая фраза встречается и у других историков, в частности у Светония.

ву, если употребить его в первые тридцать шесть часов инвазии*.

В 1760 году доктор Дюбуа достиг величайших успехов в лечении посредством паров весьма модной в ту пору болезни и столь же распространенной, как нынешние нервические заболевания, пришедшие ей на смену. А популярность, которую он снискал, казалась тем более замечательной, что он был далеко не красавцем.

К несчастью, он слишком рано разбогател, обрел независимость и предался лени, удовлетворяясь лишь ролью любезного гостя к обеду да презабавнейшего рассказчика.

Он обладал крепким сложением и прожил более восьмидесяти восьми лет, несмотря на трапезы старого и нового режимов — или, скорее, благодаря им⁵.

В конце царствования Людовика XV в Париж приехал уроженец Шатийона доктор Кост; с собой у него было письмо Вольтера к герцогу де Шуазелю, чье расположение он имел счастье завоевать с первых же визитов. При покровительстве этого вельможи и его сестры, герцогини де Граммон, молодой Кост быстро пробил себе дорогу, приобрел известность и всего за несколько лет стал одним из тех парижских врачей, что подавали наибольшие надежды.

Но та же протекция, что устроила ему карьеру, оторвала этого баловня судьбы от его спокойного прибыльного поприща и поставила во главе санитарной службы войск, которые Франция отправила в Америку на помощь Соединенным Штатам, сражавшимся за свою независимость.

Выполнив эту миссию, доктор Кост вернулся во Францию, почти незамеченным провел ненастный 1793 год и несколько последующих, а затем был избран мэром Версаля, где до сих пор помнят его деятельное и вместе с тем по-отечески мягкое управление.

Вскоре Директория привлекла его к заведованию военной медициной, а Бонапарт назначил одним из трех главных инспекторов армейской медицинской службы; там доктор

* *Инвазия* — начало инфекционной болезни.

стал неизменным другом, защитником и отцом для молодых людей, посвятивших себя этому делу.

Наконец, он был назначен врачом королевского Дома инвалидов и занимал эту должность до самой смерти.

В правление Бурбонов столь долгая служба не могла остаться без вознаграждения, и Людовик XVIII совершенно справедливо пожаловал ему ленту ордена Святого Михаила.

Доктор Кост умер несколько лет назад, оставив по себе благодарную память, исключительно философское наследство и единственную дочь, супругу г-на де Лало, который отличился в палате депутатов своим ярким и глубоким красноречием, которое, однако, не помешало ему пойти ко дну во время кораблекрушения.

Однажды, когда мы вместе обедали у г-на Фавра, сен-лоранского кюре, доктор Кост рассказал о бурной ссоре, случившейся у него в этот же день с графом де Сессаком, тогдашним

*Готфрид Лохер. Сцена в провинциальной аптеке.
Гравюра. 1775*

Брийя-Саварен Ж. А.

Б 87 Физиология вкуса / Жан Антельм Брийя-Саварен ; пер. с фр. Л. Ефимова. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. : ил. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-16748-3

Одна из самых знаменитых книг мировой литературы, посвященных еде, «Физиология вкуса, или Трансцендентная кулинария» Брийя-Саварена состоит из размышлений о гастрономии, об удовольствии, доставляемом едой, об обжорстве и диете, о пищеварении и общительности сытого человека, из кулинарных рецептов и житейских анекдотов. Этот трактат обожали Бальзак и Александр Дюма-отец, Россини и Пруст. Он и по сей день вдохновляет знаменитых поваров современности. Но кто его автор? Кем он был, этот Брийя-Саварен? Пожалуй, самое простое определение — «человек-оркестр». Брийя-Саварен и правда играл на последнюю скрипку во времена Великой французской революции и в эпоху Наполеона Бонапарта: философ, юрист, судья, экономист, политический деятель, депутат, музыкант, мыслитель, но самое главное — прославленный гурман, в честь которого названы улицы во многих городах Франции — в Париже, Орлеане, Дижоне, Каркассоне, Ниме, а также вкуснейший сыр с белой корочкой. В конце концов, именно Брийя-Саварен провозгласил: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты» — и объявил хорошую кухню одной из основных духовных скреп общества.

До сих пор российским читателям был доступен лишь сокращенный вариант книги, созданный Карлом Фогтом и переведенный с немецкого на русский в 1867 году. Тем отраднее представить первый полный перевод трактата Брийя-Саварена, сделанный с французского оригинала. Издание содержит множество иллюстраций.

УДК 641
ББК 36.99

Литературно-художественное издание

ЖАН АНТЕЛЬМ БРИЙЯ-САВАРЕН
ФИЗИОЛОГИЯ ВКУСА

Ответственный редактор Галина Соловьева

Редактор Елена Леонова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Наталья Бобкова, Ирина Киселева

Подписано в печать 27.08.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 26,04 (вкл. наклейку).
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство КоЛибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-CHN-25218-01-R